

Алла Ивановна МЕЛЕНТЬЕВА

Весной 1943 года ворвалась в семью беда. Похоронка скупо извещала, что мой отец Иван Семёнович Романов еще 12 сентября 1942 года умер от полученных в боях ран и похоронен близ села Путилово Ленинградской области, что на северо-западе страны.

И всё... Больше ничего написано не было...

Что я помню и знаю об отце? Он работал на Фурмановской фабрике №2 заместителем начальника пожарной охраны, был заботливым семьянином, и, уходя весной 1942 года на фронт, мечтал вернуться с победой назад. Мы знали, что папу отправили в учебное заведение по подготовке командного состава, но очень быстро, из-за ухудшения обстановки на Ленинградском фронте, он оказался на передовой. А дальше – почти год тишины и страшное известие. Оно оглушило нашу маму – Ларису Михайловну – так, что она очень не скоро смогла отправиться после тяжелой душевной травмы и долгие месяцы провела в больнице в Иванове.

Мы остались одни: три сестры - шестнадцати, десяти и шести лет - и два брата, которым в сорок третьем было четырнадцать и семь лет. Соседи нас взять не могли: в каждом доме и так много детей, а кормильцы-мужчины воевали с врагом. Но в беде не оставили. Знали: в доме Романовых горе и без помощи детям не выжить. Кто молочка принесет, кто подовых пирожков. А овощи и травы съедобные были свои. Так и выживали, и главную роль в том, что выжили, сыграла наша «старшая» - пишу в кавычках, поскольку ей только исполнилось шестнадцать!- сестра. Всё хозяйство было на ней – нашей спасительнице Наташе. Она «тянула» нас, насколько хватало её почти еще детских силёнок.

Не знаю, каким образом, но Наташа несколько раз ездила в областной центр и добилась для нас – троих младших – направления в детский дом. Это было спасением. И в ноябре 1943-го года мы втроем без всякого сопровождения покинули родное село Алексино и отправились в сторону Луха, где располагался детский дом. Немалую часть пути шли пешком по замерзшей, окаменелой земле, переметаемой позёмкой. Два дня шли, останавливались на ночлег в какой-то придорожной деревне у женщины с четырьмя детьми. У самой мал мала меньше, а нас, незнакомых, приютила!

К вечеру восьмого ноября добрались до детского дома, что стоял на краю поселка, у опушки леса. Вошли, и первое, что услышали, – звук пионерского горна. Так, оказывается, приглашали ребят в столовую, потому что воспитывалось нас в детском доме ни много ни мало 250 человек от дошкольного до выпускного школьного возраста.

Здесь мы и жили с 1943-го по 1947 год. Сколько воды утекло с того времени, сколько вёсен минуло.... А во мне и сейчас живет глубокая благодарность сотрудникам детского дома за тёплое, доброе отношение, искреннюю заботу о нас. Низкий поклон им всем и вечная память!